

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ И СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ АПЕЛЛЯТИВНОЙ ЛЕКСИКИ	8
1.1. Общие вопросы теории номинации в художественном тексте ...	8
1.2. Семантика слова в языке и художественном тексте	12
Выводы по 1-ой главе	15
ГЛАВА II. СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НОМИНАЦИЙ ПОЭТА В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА, М. И. ЦВЕТАЕВОЙ, И. А. БРОДСКОГО	16
2.1. Общая характеристика номинативных единиц	16
2.2. Соотнесенность номинативных единиц и тематики лирических текстов	20
Выводы по 2-ой главе	23
ГЛАВА III. СЕМАНТИКА АПЕЛЛЯТИВНОЙ ЛЕКСИКИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘ПОЭТ’ В ЛИРИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ	25
3.1 Семантические особенности апеллятивной лексики в лирических текстах А. С. Пушкина	25
3.2. Семантические особенности апеллятивной лексики в лирических текстах М. И. Цветаевой	36
3.3 Семантические особенности апеллятивной лексики в лирических текстах И. А. Бродского	46
Выводы по 3-ей главе	54
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	56
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	58

ВВЕДЕНИЕ

Работа посвящена сопоставительному анализу существительных с семантикой поэта в лирических текстах А. С. Пушкина, М. И. Цветаевой, И. А. Бродского.

Н. М. Шанский считал, что имена существительные являются одной из групп, «наиболее богатой (как по количеству, так и по семантическому многообразию)» [Шанский, 1972, с. 75]. Существительные делятся на две большие группы – собственные и нарицательные. В чем разница между ними? Собственными являются те слова, которые называют конкретное лицо или предмет, идентифицируя его из ряда подобных. «Имя нарицательное, оно же нарицательное существительное (род имя существительное), а также термин апеллятив (в терминологической паре оним - апеллятив), выступает коррелятом по отношению к имени собственному» [Москаленко, 2015, с. 185] и идентифицирует обобщенное наименование предметов, имеющих общие признаки.

Под воздействием авторского преобразования апеллятивы получают множество семантических коннотаций.

Тайна воздействия поэтического слова на человека всегда привлекала внимание исследователей. Основной задачей их является исследование индивидуального авторского стиля поэта, выявление и описание возможностей языковых единиц, которые реализуются в определенном окружении поэтического контекста. Слово свободно переходит из одной стилистической тональности в другую.

Так, о слове в лирических текстах А. С. Пушкина писал Н. В. Гоголь: «Тут все: и наслаждение, и простота, и мгновенная высокость мысли, вдруг объемлющая священным холодом вдохновения читателя. Здесь нет этого каскада красноречия, здесь одна поэзия: никакого наружного блеска, все просто, все прилично, все исполнено внутреннего блеска, который

раскрывается не вдруг; все лаконизм, каким всегда бывает чистая поэзия. Слов немного, но они так точны, что обозначают все. В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт» [Гоголь, 1959, с. 33-40].

По замечанию Ю. Н. Тынянова, «Слово стало заменять у А. С. Пушкина своею ассоциативною силою развитое и длинное описание» [Тынянов, 1929, с. 258].

Мастерство А. С. Пушкина волновало и М. И. Цветаеву. В очерке «Мой Пушкин» она выявляет подтекст некоторых его произведений. Замысел «Моего Пушкина» ясно раскрыт в письме П. П. Балакшину: «Мне, например, страшно хочется написать о Пушкине - Мой Пушкин - дошкольный, хрестоматийный, тайком читанный, - юношеский - мой Пушкин - через всю жизнь» [Цветаева, 1981, с. 132]. Эти слова подтверждают то, что на протяжении всей жизни М. И. Цветаева несла образ своего А. С. Пушкина и неуклонно к нему обращалась.

И. А. Бродский же говорил: «Принято думать, что в Пушкине есть все. И на протяжении семидесяти лет, последовавших за дуэлью, так оно почти и было. После чего наступил XX век... Но в Пушкине многого нет не только из-за смены эпох, истории. В Пушкине многого нет по причине темперамента и пола: женщины всегда значительно беспощадней в своих нравственных требованиях» [Волков, 2000, с. 45].

В интервью, данном Свену Биркертсу, И. А. Бродский заметил, что благодаря М. И. Цветаевой изменился его «...взгляд на мир, а это ведь и есть самое главное, да? С Цветаевой я чувствую особое родство: мне очень близка её поэтика, её стихотворная техника» [Полухина, 2000, с. 63]. Именно М. И. Цветаева является поэтом его юных лет.

Главным явилась общность мироощущения поэтов, что было замечено И. Кудровой. По ее словам, И. А. Бродский «... принадлежал к той же породе поэтов», что и М. И. Цветаева; «Владела им и вполне сравнимая с

цветаевской неукротимая страсть к постижению мира средствами поэтического слова» [Кудрова, 1998, с. 20].

Эти три литературные эпохи подарили три гениальных автора, где каждый последующий воспитан на стихах предыдущего/предыдущих. Отсюда и важность – увидеть, какое влияние оказал учитель на своего/своих последователей, что общего у последователей по отношению к учителю, а в чем они идут дальше.

В качестве **источника материала** послужили лирические тексты:

- А. С. Пушкина (Собрание сочинений в 10-ти т. М.: Правда. – Т.1. и Т.2., 1981; Стихотворения. Поэмы. – М: Эксмо, 1998);

- М. И. Цветаевой (Стихотворения. – Пермь: Кн. изд-во, 1992; Стихотворения. Поэмы. – М.: Правда, 1991);

- И. А. Бродского (Холмы: Стихотворения. – СПб.: Азбука-классика, 2007; Часть речи: Избранные стихотворения. . – 2-е изд, доп. – СПб.: Азбука-классика, 2005; Осенний крик ястреба. – СПб.: Азбука-классика, 2009).

Поэзия и А. С. Пушкина, и М. И. Цветаевой, и И. А. Бродского получила разноаспектное изучение с точки зрения семантики поэтического слова, но проблема изучения номинативного ряда не становится менее важной в лингвистике, поскольку «такая область художественного имяназвания» позволяет «полнее раскрыть диапазон семантико-стилистических потенций именослова» [Фролов, 2010, с. 246].

Естественно, что каждого человека волнует его предназначение в жизни, осмысление самого себя, сущности своего дела, что особенно важно для поэта. Потому в своем исследовании мы хотели бы показать, какими существительными апеллируют А. С. Пушкин, М. И. Цветаева и И. А. Бродский, для того чтобы выразить, что есть поэт для каждого из них.

Целью исследования является изучение способов и особенностей функционирования лексем, называющих поэта в лирике А. С. Пушкина, М. И. Цветаевой, И. А. Бродского в сопоставительном аспекте.

В задачи исследования входит:

1. изучить литературу по теме исследования;
2. выявить апеллятивную лексику с семантикой 'поэт' в лирических текстах А. С. Пушкина, М. И. Цветаевой, И. А. Бродского;
3. выявить общие и дифференциальные номинации;
4. соотнести выделенные номинации с тематикой стихотворений;
5. выявить особенности семантических проявлений номинативных единиц А. С. Пушкина, М. И. Цветаевой, И. А. Бродского в разном контекстном окружении;
6. провести сравнительный анализ словарных семем, вовлеченных в исследование, и тех значений, которые они приобретают в контексте;
7. соотнести полученные результаты по каждому автору.

Объектом исследования послужила апеллятивная лексика с семантикой 'поэт'.

Предметом научного исследования является семантика апеллятивных единиц.

Методы исследования подчинены задачам работы и обусловлены спецификой анализируемого материала. В работе реализован метод сплошной выборки (при составлении картотеки А. С. Пушкина, М. И. Цветаевой, И. А. Бродского), описательный метод, контекстологический и метод компонентного анализа; использованы приёмы классификации и систематизации материала, прием количественного анализа.

Материал исследования: проанализировано всего 1888 текстов (3670 страниц), из которых 813 текстов принадлежит А. С. Пушкину (1053 страницы), 426 текстов – М. И. Цветаевой (1193 страницы), 650 текстов – И. А. Бродскому (1424 страницы).

В результате сплошной выборки было выявлено 111 номинативных единиц с семантикой поэта, при этом: у А. С. Пушкина выделено 43 номинации, у М. И. Цветаевой – 42, у И. А. Бродского – 26.

Научная новизна исследования заключается в том, что предпринимается попытка выделения ряда единиц с семантикой ‘поэт’ и их анализа в лирических текстах А. С. Пушкина, М. И. Цветаевой, И. А. Бродского в сопоставительном аспекте.

Теоретическая значимость исследования проявляется в возможности применять полученные данные при обсуждении вопросов о языковой и авторской картинах мира.

Практическая значимость определяется тем, что результаты исследования могут быть использованы в разработке факультативов и теоретических курсов по лексикологии русского языка и лингвопоэтике.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались на заседании кафедры русского языка ПГГПУ, а также были представлены в виде доклада на научной студенческой конференции «Молодая филология - 2016» (Пермь, ПГГПУ, 2016 г.).

Структура работы. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения, Библиографического списка.

ГЛАВА I. ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ И СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ АПЕЛЛЯТИВНОЙ ЛЕКСИКИ

Глава посвящена изучению таких направлений лингвистических исследований, как ономасиология и семасиология, с точки зрения их подхода к выявлению и интерпретации значений нарицательных слов (апеллятивов) в художественном тексте.

1.1. Общие вопросы теории номинации в художественном тексте

Ономасиологический подход «рассматривает содержательную сторону языковых единиц <...> с точки зрения предметной направленности, то есть соотнесенности языковых единиц с внеязыковым предметным рядом как средства обозначения, именования последнего» [Серебренников, 1977, с. 19].

Ономасиологический подход предполагает обращение как к имени собственному, так и к нарицательному, то есть к апеллятиву. Сосредоточимся на апеллятивной лексике в аспекте ее функционирования в художественном тексте.

Изучая апеллятивную лексику на материале художественных текстов, исследователи выделяют три типа номинации: первичную, повторную и вторичную.

Первичная номинация в художественном тексте соответствует первому наименованию какого-либо объекта и представляет собой базу для повторного наименования.

Все последующие номинации в пределах одного текста получили терминологическое обозначение вторичных или повторных. Рассмотрим их подробнее.

Вторичная номинация в художественном тексте – это элементарный лексический повтор, который является средством семантической организации текста. Вторичная номинация основывается на потребности дать дополнительную коннотацию объекту или явлению, актуализируя те или иные его свойства.

И. В. Арнольд, характеризуя вторичные номинации, утверждает, что «компоненты [их] значений несут главную художественную информацию, поддерживаются разными типами выдвижения, являются ключевыми (выделено нами. – *А. М.*) и образуют тематическую сетку» [Арнольд, 1984, с. 3-11], что отражает их близость в пределах авторских контекстов и тем самым подтверждает их функциональное единство.

Вслед за И. В. Арнольд, мы считаем, что первичная и вторичные номинации в их единстве могут выступать в качестве ключевых слов. Ключевые слова обладают рядом существенных признаков:

- их высокая повторяемость в тексте;
- способность знака конденсировать, свертывать информацию, выраженную целым текстом (этот признак особенно ярко проявляется у ключевых слов в позиции заглавия);
- способность единицы выражать соотношение двух содержательных уровней текста: собственно фактологического и концептуального.

Последний признак приводит к тому, что ключевые слова способствуют получению «нетривиального эстетического смысла данного текста» [Николина, 2003, с. 130].

Повторная номинация – это выбор «средств словесной замены для уже названного субъекта или объекта. Так, во избежание повторения одних и тех же слов возникает необходимость лексических замен» [Валгина, 1998, с. 61]. Именно повтор заставляет нас возвращаться назад и сравнивать вариативные лексические единицы, а также единицы дескриптивного (описательного) характера – на предмет появления в них семантических нюансов, поскольку

разные номинации одного явления позволяют осмыслять его по-разному. В художественном тексте первичная и повторная номинации часто выступают как контекстуальные синонимы, в таком случае происходит семантическое единение слов в рамках конкретного текста, вне которого эти слова синонимами не являются. (Заметим, что в некоторых случаях контекстуальные синонимы могут выступать и как языковые.)

Одной из главных ономаσιологических категорий является номинация лица. Например, Е. В. Соловьева, применяя ономаσιологический подход при анализе лексического наполнения текста А. С. Пушкина «Арап Петра Великого», выделяет номинационные ряды именования героя повести – Корсакова – в слиянии с синонимическими рядами: *щёголь, молодой франт, французская обезьяна, мосье, скоморох, ветрогон* [Соловьева, 2006]¹.

Любопытно отметить, как в лирических текстах М. И. Цветаевой рассмотрены оттенки цветообозначений. Так, красный цвет у нее представлен «словами с 16-ю различными корнями: *красный, пурпурный, алый, рдяный, ржавый, розовый, кумачовый, румяный, червонный, багровый и багряный, огненный, малиновый, кровавый, жаркий, вишенный, цвета зари*» [Зубова, 1989, с. 113].

Не менее глубока в текстах И. А. Бродского лексика с аквасемантикой, которая «по-разному распределяется в лексико-семантическом поле. Так, если слово *вода* занимает в нем ядерной положение, то другие единицы в основном расположены в приядерной (например, *океан, море, озеро, пруд, залив, река, ручей, лужа; течение; дождь, снег, лед; волны, айсберг, прибой,*

¹ Ономаσιологический подход применяется и в работе М. П. Палвановой, которая рассматривает апеллятивы со значением лица на материале повести Н. С. Лескова «Овцебык». На базе собственного имени (Боголюбский) выстраивается ряд повторных номинаций, таких как: *овцебык; не атлет, не богатырь; запыленный донельзя человек; запыленная фигура; странный гость; свой человек; кутейник; сын сельского дьячка; коренастый герой моего рассказа; бе-дак; блажной; шут; малолеток; не барин; чудака; не поп; покойник* [Палванова, 2012, с.87].

морская даль, пляж, бухта, гребни, валы, риф; фонтан, колодец) или периферийной частях [Гладких, 2015, с. 121-122].

Таким образом, ономаσιологический подход к анализу апеллятивной лексики дает возможность определить перечень (номенклатуру) языковых средств и их частотность (на этом основании выделяются ключевые слова), семантическое тождество или семантические различия у вторичных номинаций по отношению к первичной, а также увидеть контекстуальное синонимическое сближение разных единиц (повторные номинации), проанализировать контекстуальные синонимы, отличающиеся незримыми на первый взгляд оттенками смысла.

Важным, на наш взгляд, является вопрос о границах художественного текста, в пределах которых мы можем говорить о появлении вторичных и повторных номинаций. Если для прозаического текста большого объема этот вопрос окончательно решен, то для прозаического текста-миниатюры, а также для лирического текста этот вопрос остается открытым.

Следуя в своих рассуждениях за Ю. Г. Гладких, мы считаем возможным рассматривать большой корпус лирических текстов (А. С. Пушкина, М. И. Цветаевой, И. А. Бродского по отдельности) как единый макротекст [Гладких, 2014, с. 59], в котором, в частности, могут быть выделены ключевые слова-номинации. Отдельно же взятый лирический текст рассматривается «как метонимия, как часть миропредставленности и как сам универсум, взятый в его особенном срезе» [Неретина, 1999].

Ономаσιологический подход в целом позволяет нам *определить набор* единиц, потенциально возможных для анализа с точки зрения семантического тождества или различия, семантических нюансов или принципиальных изменений в значении. Эти вопросы рассматриваются семасиологией, которой посвящен следующий параграф нашей работы.

1.2. Семантика слова в языке и художественном тексте

Семасиология – это наука, изучающая *лексическое значение слова*, которое представляет систему, состоящую из минимальных единиц значения, то есть сем.

При анализе лексического значения выделяют только лексические семы (денотативные и коннотативные), но не учитывают грамматических сем. Охарактеризуем специфику денотативного и коннотативного компонентов значения.

Денотативный компонент значения – это «часть значения знака, которая отражает в обобщенной форме предметы и явления внеязыковой действительности, то есть он имеет в своей основе понятие, характеризующее внеязыковой объект» [Турсунова, 1979, с. 25].

Коннотативный компонент в науке не имеет однозначного толкования и изучается в работах таких исследователей, как Ю. Д. Апресян [Апресян, 1995а, с. 364; 1995б, с. 710], Л. Блумфилд [Блумфилд, 2002, с. 607], А. В. Кунин [Кунин, 1996, с. 381], И. А. Стернин [Стернин, 1985, с. 45], В. Н. Телия [Телия, 1986, с. 40], В. И. Шаховский [Шаховский, 1983, с. 94] и многих других. Большинство исследователей в конечном счете связывают понятие коннотации с разнообразными эмоционально-оценочными, экспрессивными компонентами значения.

В целом коннотацию можно определить как дополнительные значения (оттенки значений) лексической единицы, которые образуют семантическое наложение к денотативному компоненту.

Слово может иметь одно или несколько значений. Моносемичное слово имеет одно лексическое значение. Полисемичное слово имеет множество разных значений, то есть его форма соотносится с рядом лексических значений (ЛСВ).

В речи слово реализуется только в одном значении. Отдельное значение полисемичного слова называют *семемой*.

По отношению к системе языка семемы подразделяются на *узуальные* (общеупотребительные значения слова, которые закреплены в словарях) и *контекстуальные*, которые отражают ассоциации, возникающие в конкретных ситуациях употребления слова. Они создают в тексте коннотативные смысловые оттенки значения языковой единицы: «...именно контекст предназначен для снятия любой полисемии, другими словами, для утверждения того или иного действительного значения или смысла единицы» [Колшанский, 1980, с. 26], для появления «нового оттенка значения или нового значения у языковых единиц» [Шаховский, 1984, с. 101].

Наибольшее семантическое варьирование характерно для слова в художественных текстах: именно в них слово расширяет свои семантические возможности: в каждом употреблении оно может одновременно реализовать несколько переплетающихся значений или их оттенков, часто становясь уникальным, индивидуальным. В этой связи М. М. Гиршман отмечает, что «художественное слово именно качественно, субстанционально отличается от своего внехудожественного прототипа, его преобразование в художественном произведении есть именно переход в новую сферу бытия, в новое качество, в котором оно не существует до произведения и за его пределами» [Гиршман, 2002, с. 65].

Семасиологический подход к анализу слова в художественном тексте, в том числе апеллятивной лексики, нашел широкую апробацию. Так, Г. Н. Маллалиев, изучающий поэзию А. С. Пушкина, подходит к семантике такой лексемы, как *рифма*, которая, помимо своего узуального значения, вбирает в себя широкий пласт коннотаций: употребляется в качестве термина для различных разновидностей рифм; нередко в ней актуализируются семемы «легкость», «игривость», «непринужденность»; используется для

образного обозначения мук творчества; употребляется как персонифицированный образ (чаще женский) [Маллалиев, 2010, с. 90-93].

Л. В. Зубова обращает внимание на семантическое переосмысливание М. И. Цветаевой множества слов, которые в поэтическом контексте получают различные коннотации. Так, в цветаевских текстах слово *попугаи* приобретает значение 'стремление конкурентов А. С. Пушкина к подражанию', говорит о его поэтической гениальности, однако употребляется и как ругательное. Кроме того, лексема расширяет свои границы, «становясь в ряд к *[воробьям] – соловьям – соколам*, а в контексте целого цикла ряд продолжается еще и сочетанием *заморскую птицу*. Кроме того, коннотативный смысл слова *попугаи* как предсказатели – повторен в слове *авгуры*» [Зубова, 1999].

В художественном языке И. А. Бродского слово *день* в большинстве случаев обозначает не время суток, а выражает представление о сутках вообще, что соответствует одному из словарных значений. Однако у И. А. Бродского день становится тесно связан с самой жизнью человека: он «наделяется ускоренным ходом, что влечет за собой появление образа бегущего дня» [Штырлина, 2013, с. 14-15], который передает быстротечность времени².

Таким образом, семасиологический подход к анализу слов в художественном тексте позволяет определить нюансы их употреблений: использование словарных семем, их взаимодействие (контаминацию), а также индивидуальные семантические изменения (утрата каких-либо сем

² Другие исследователи тоже уделяют большое внимание семантике слова в художественном тексте. Например, О. Н. Колчина рассматривает различную реализацию контекстуальных сем на примере художественных текстов русского поэта и музыканта Б. Гребенщикова, указывая на частотность лексемы *пустота*. Исследователь выделяет в его текстах множество семантических варьирований данной лексической единицы. Одно контекстуальное окружение присваивает лексеме значение, в котором отражена негативная характеристика России. В другом случае *пустота* выступает в общих значениях, закреплённых в словарях – как пустое, ничем не заполненное пространство и одновременно состояние душевной отрешённости [Колчина, 2010, с. 334].

или, напротив, появление новых сем) и, как следствие, контекстуальные приращения смысла.

Выводы по 1-ой главе

Ономасиологический и семасиологический подходы применимы к изучению семантики слова в художественном тексте, они дают возможность посмотреть на слово с разных позиций: «от плана содержания к плану выражения» или, напротив, «от плана выражения к плану содержания».

Рассматривая номинацию лица в художественном тексте со стороны семасиологического и ономасиологического подходов, мы сосредоточиваем свое внимание, во-первых, на вторичных номинациях, что позволяет говорить о ключевых словах, и, во-вторых, на повторных, синонимических заменах. В обоих случаях в сферу нашего интереса попадает только апеллятивная лексика³.

Материалом исследования служит как макротекстовое пространство (лирика в целом), так и конкретный лирический текст.

³ Изучение местоименных замен и собственных имен существительных в рамках нашего исследования не предусмотрено и может быть отнесено к перспективе исследования.

ГЛАВА II. СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НОМИНАЦИЙ ПОЭТА В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА, М. И. ЦВЕТАЕВОЙ, И. А. БРОДСКОГО

В главе дается общая характеристика номинаций поэта, выделенных в лирических текстах А. С. Пушкина, М. И. Цветаевой, И. А. Бродского. Данные о типах номинаций и их частотности представлены в количественном и процентном соотношениях.

2.1. Общая характеристика номинативных единиц

В результате сплошной выборки мы получили 24 (100%) номинативные единицы. Из них 17 слов (70,8%) и 7 номинаций дескриптивного типа (29,2%)⁴.

Данные о процентном соотношении синонимичных номинативных единиц представлены в таблице ниже.

Таблица 1

Синонимичные номинации с семантикой 'поэт': первичные и повторные номинации

Авторы	Количество словоупотреблений		
	А.С Пушкин	М И. Цветаева	И. А. Бродский
Повторные (синонимичные номинации), из них:	12 (100%)	12 (100%)	7 (100%)
- слова	9 (75%)	8 (66,7%)	7
- дескриптивные	3 (25%)	4 (33,3 %)	-

⁴ Исследователи выделяют различные виды номинации. Мы будем апеллировать к подходу Б. Рассела, который выделяет такие номинации, как: имена (слова) и дескрипции (словосочетания) [Рассел, 1982, с. 237-241].

наименования			
--------------	--	--	--

Данные таблицы показывают приблизительно равный процент использования А. С. Пушкиным и М. И. Цветаевой первичных и повторных номинаций.

Нельзя оставить без внимания тот факт, что И. А. Бродский не использует в своих текстах дескриптивные номинации. Мы предполагаем, что И. А. Бродскому несвойствен выбор дескриптивных номинаций по той причине, что семантики одного слова в контекстном окружении для него оказывается достаточно, чтобы выразить смысл.

Рассмотрим оба вида номинаций подробнее.

Таблица 2

Слова с семантикой ‘поэт’

Номинации	А. С. Пушкин	М. И. Цветаева	И. А. Бродский
Поэт/ пиит	19 (47,5%)	22 (57,9%)	4 (15,3%)
Певец	8 (20%)	8 (21%)	14 (53,8%)
Гений	6 (15%)	-	-
Творец	2 (5%)	-	1 (3,8%)
Писатель	1 (2,5%)	-	2 (7,7%)
Прозаик	1 (2,5%)	-	-
Художник	1 (2,5%)	-	-
Стихотворец	1 (2,5%)	-	-
Царь	1 (2,5%)	-	-
Словоискатель	-	1 (2,6%)	
Песнопевец	-	2 (5,3%)	-
Автор	-	2 (5,3%)	3 (11,5%)
Классик	-	1 (2,6%)	-
Демон	-	1 (2,6%)	-
Ангел	-	1(2,6%)	
Письменник	-	-	1 (3,8%)
Общее кол-во	40	38	26

(100%)			
--------	--	--	--

Таблица 2 дает основания выделить 16 повторных номинаций (без учета дескриптивных) в лирических текстах А. С. Пушкина, М. И. Цветаевой, И. А. Бродского. Они составляют 66,7% от общего числа выделенных номинаций и насчитывают 104 словоупотребления.

Для пушкинских текстов ключевыми являются номинации: *поэт*, *певец*, *гений*. Центральную позицию занимает слово *поэт*, которое используется в 2,5 раза чаще, чем лексема *певец*, и в 3 раза чаще, чем лексема *гений*.

В текстах М. И. Цветаевой ключевыми так же являются номинации *поэт* и *певец*. Слово *поэт* у М. И. Цветаевой является самым частотным и встречается в 3 раза чаще, чем лексема *певец*. Остальные номинации используются реже и зачастую употребляются в тексте единожды, что, впрочем, свойственно и лирике А. С. Пушкина. Полагаем, что сходность номинативных единиц у А. С. Пушкина и М. И. Цветаевой объясняется не только тем фактом, что авторы пользуются одними и теми же номинативными ресурсами родного языка, но и вторичным характером цветаевских текстов: А. С. Пушкин для нее учитель и эталон – та величина, к которой надо стремиться.

Для И. А. Бродского ключевыми также становятся номинации *поэт* и *певец*, однако, в отличие от номинаций А. С. Пушкина и М. И. Цветаевой, самой частотной становится лексема *певец*: она в 3 раза превышает следующую по частотности единицу – лексему *поэт*.

Кроме того, в число номинаций поэта в лирических текстах трех авторов входят 11 дифференциальных номинаций, представляющих собой особый пласт номинативных единиц, которые отражают полноту понимания сущности поэтического искусства.

А. С. Пушкина отличает 5 дифференциальных номинаций поэта: *гений, прозаик, художник, стихотворец, царь*.

М. И. Цветаевой оказывается недостаточно пушкинских слов, чтобы отразить свое представление о поэте, поэтому в лирических текстах она использует такие номинации, как: *песнопевец, словоискатель, классик, демон, ангел*.

И. А. Бродский предпочитает использовать те же самые слова для номинации поэта, что А. С. Пушкин и М. И. Цветаева. В списке дифференциальных номинаций И. А. Бродского присутствует лишь одна лексема – *письменник*.

Наряду со словами, в лирических текстах А. С. Пушкина и М. И. Цветаевой, появляются дескриптивные номинации. Вероятно, этим автором недостаточно пространства одного слова, чтобы выразить глубину или, быть может, новый поворот в авторском осмыслении поэта. Все дескрипции употребляются в лирических текстах единожды, а потому имеют окказиональный характер и обладают исключительной семантической содержательностью. Семантика некоторых дескрипций представлена в III главе. Данные о дескриптивных номинациях указаны в таблице 3.

Таблица 3

Дескриптивные номинации с семантикой ‘поэт’

А.С Пушкин	М И. Цветаева	И. А. Бродский
Питомец вдохновенья	Божий праведник	-
Отмститель гения	Вседержатель души	-
Друг истины	Словесный хахаль	-
	Певчая братья	-
25% от общего числа номинаций (12 / 100%) и 7% от числа словоупотреблений (43 / 100%)	33,3% от общего числа номинаций (12 / 100%) и 9,5% от числа словоупотреблений (42 / 100%)	-

Напомним, что в результате сплошной выборки в лирических текстах А. С. Пушкина, М. И. Цветаевой, И. А. Бродского было обнаружено 111 случаев употребления номинативных единиц с семантикой ‘поэт’. Эти номинации встречаются в текстах разной тематической направленности. Тематическое содержание стихотворения чрезвычайно важно: оно позволяет выделить смысловые нюансы лексемы и художественного текста в целом, что соотносится с общефилологическим, а не только с лингвистическим подходом к анализу художественного произведения.

Прокомментируем соотнесенность тематики стихотворения и номинативной единицы.

2.2. Соотнесенность номинативных единиц и тематики лирических текстов

Номинации с семантикой ‘поэт’, выделенные в лирических текстах А. С. Пушкина, М. И. Цветаевой, И. А. Бродского, мы распределили на 7 групп, сходных по тематике стихотворений. Данные тематические группы представлены в таблице 4.

Тематическая направленность лирических текстов

Апеллятивная лексика	Общее кол-во (100%)	Тематика стихотворений						
		Жизнь и судьба поэта	Друзья и другие писатели и поэты	Любовь	Родина	Мысли об истории народа	Внутренний мир	Другое
А. С. Пушкин	43	24 (55,8%)	6 (14%)	4 (9,3%)	3 (7%)	2 (4,7%)	2 (2,3%)	2 (4,7%)
М. И. Цветаева	42	15 (35,7%)	13 (31%)	2 (4,8%)	4 (9,5%)	1 (2,4%)	3 (7,1%)	4 (9,5%)
И. А. Бродский	26	12 (46,1%)	1 (3,8%)	2 (7,7%)	1 (3,8%)	1 (3,8%)	3 (11,5%)	6 (23%)
Всего	111	51 (45,9%)	20 (18,1%)	8 (7,2%)	8 (7,2%)	4 (3,6%)	8 (7,2%)	12 (10,8%)

И для А. С. Пушкина, и для М. И. Цветаевой, и для И. А. Бродского главной стала тема назначения поэта в обществе, отражение своей жизни и жизни поэта в целом.

А. С. Пушкин более чем в половине случаев (55,8%) использует номинации поэта, обращаясь к теме «Жизнь и судьба поэта». Номинации поэта в лирике И. А. Бродского той же тематики близки номинациям А. С. Пушкина (приблизительно равный процент лексем). Процент номинаций у М. И. Цветаевой, встречающихся в данной группе, примерно в 1,5 раза меньше, чем у А. С. Пушкина.

Меньшей по количеству является тематическая группа, включающая обращение к друзьям и другим поэтам. Приоритетной эта тема становится для А. С. Пушкина и М. И. Цветаевой, но стоит заметить, что процент номинативных единиц М. И. Цветаевой в 2 раза выше, чем у А. С. Пушкина. М. И. Цветаева обращалась и к поэтам-современникам, и к поэтам-предшественникам, в том числе и к А. С. Пушкину. И. А. Бродского же эта тема занимает значительно меньше. Большее количество номинативных

единиц со значением поэта попадает у него в тематическую группу, условно названную «Другое».

Остальные группы имеют количественное расхождение у трех авторов, а потому рассматриваются по отдельности.

А. С. Пушкин, используя номинации поэта, обращается к темам любви и Родины. М. И. Цветаеву волнуют темы Родины и своего внутреннего мира. И. А. Бродский, как и его предшественники, обращается к темам любви и внутреннего мира. На дальние позиции в стихотворениях И. А. Бродского отходят темы: «Друзья и другие поэты», «Родина» и «Мысли об истории народа».

Отдельного внимания в изучении тематической направленности стихотворений А. С. Пушкина, М. И. Цветаевой, И. А. Бродского заслуживает вопрос идентификации и самоидентификации поэта. Рассмотрим этот аспект в таблице 5:

Таблица 5

Идентификация поэтов в лирических текстах

Средство идентификации	А. С. Пушкин			М. И. Цветаева			И. А. Бродский		
	О себе	О поэте в целом	О других поэтах	О себе	О поэте в целом	О других поэтах	О себе	О поэте в целом	О других поэтах
Колич-ное соотношение	19 (44,2 %)	11 (25,6 %)	13 (30,2%)	9 (21,4 %)	15 (35,7 %)	18 (42,9%)	9 (34,6 %)	5 (19,2 %)	12 (46,2%)

В данной таблице мы видим, что А. С. Пушкин в 44,2% случаев использует номинации поэта в стихотворениях, касающихся собственного творчества. Стихотворений, в которых А. С. Пушкин обращается к другим поэтам или рассуждает о поэте в целом, почти в 2 раза меньше.

М. И. Цветаева же гораздо большее внимания уделяет обращению к другим поэтам (42,9%); близки в процентном соотношении размышления о поэте в целом. Тема своего творческого становления отходит на последнюю позицию.

И. А. Бродский, следуя за М. И. Цветаевой, уделяет большое внимание конкретным поэтическим личностям (46,2%), однако самоидентификация в стихотворениях составляет 34,6%, что в 1,5 раза превышает процент у М. И. Цветаевой.

Выводы по 2-ой главе

Сопоставительная характеристика номинативных единиц со значением 'поэт' в лирических текстах А. С. Пушкина, М. И. Цветаевой, И. А. Бродского послужила фундаментом для нашего исследования.

Так, в результате анализа было выделено соотношение повторных и вторичных номинаций с разных позиций.

В числе повторных (синонимичных) номинаций находятся слова и дескриптивные наименования. А. С. Пушкин и М. И. Цветаева имеют приблизительно равный процент использования дескрипций. Дескрипции употребляются авторами в тексте единожды, в отличие от тех, что представляют собой пласт первичных и вторичных номинаций. И. А. Бродский же не апеллирует к дескриптивным номинациям, так как семантики одного слова оказывается достаточно для выражения смысла.

М. И. Цветаева не только обращается к апеллятивной лексике А. С. Пушкина, но и вносит в тексты новые средства обозначения поэта. И. А. Бродский же апеллирует к тем же словам, что А. С. Пушкин и М. И. Цветаева, переосмысливая значения слов в процессе вторичной номинации.

Номинации с семантикой поэта у трех авторов встречаются в текстах различной тематики. Вполне ожидаемо, что главной и для А. С. Пушкина, и для М. И. Цветаевой, и для И. А. Бродского стала тема жизни и судьбы поэта, его назначения в обществе. Однако если А. С. Пушкин более чем в половине случаев говорит о себе и своем творчестве, то М. И. Цветаева и И. А. Бродский в первую очередь обращаются в своих стихотворениях к другим поэтам – предшественникам или современникам.

Номинации поэта представляют широкое поле для семантических нюансировок. Этому аспекту посвящена следующая глава нашей работы.

ГЛАВА III. СЕМАНТИКА АПЕЛЛЯТИВНОЙ ЛЕКСИКИ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ПОЭТ' В ЛИРИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В главе анализируется семантика некоторых апеллятивов со значением 'поэт' в лирических текстах А. С. Пушкина, М. И. Цветаевой, И. А. Бродского.

3.1 Семантические особенности апеллятивной лексики в лирических текстах А. С. Пушкина

Лексема *поэт*

Самой частотной у А. С. Пушкина является номинация *поэт/пиит*.

«Словарь русского языка» С. И. Ожегова указывает на два значения слова *поэт*: 1. «Писатель / автор стихотворных или поэтических произведений». 2. «Человек, наделённый поэтическим отношением к окружающему, к жизни» [Ожегов, 1984, с. 497].

Рассмотрим, как лексема *поэт* реализуется в лирических текстах А. С. Пушкина.

В стихотворении «Поэту» наиболее ярко отражена мысль А. С. Пушкина о назначении поэта:

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты **царь**: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,

Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный **художник**?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

В данном контексте мы наблюдаем взаимодействие трех лексем (первичной и повторных номинаций), которые только в стихотворении реализуются как контекстуальные синонимы: *поэт*, *царь*, *художник*.

Слово *поэт* в начале этого текста реализует основную семему “писатель / автор стихотворных или поэтических произведений”.

Слово *царь* в языке имеет 2 значения: «человек, безраздельно обладающий чем-либо» и «лучший среди других» [Ожегов, 1984, с. 757].

На наш взгляд, в данном контексте обнаруживается контаминация обоих значений. 1 семема – словарная: “человек, безраздельно обладающий чем-либо”, в данном случае появляется сема ‘человек, имеющий власть над толпой, судьбой, словом’. 2 семема – “лучший среди лучших”. Среди кого он лучший? Лучший он не среди поэтов, так как использовано обобщенное название поэта. Обратимся к контексту (*Ты царь: живи один. Дорогою свободной / Иди, куда влечет тебя свободный ум, / Усовершенствуя плоды любимых дум*). На данную семему накладывается сема ‘лучший среди других людей, потому что у него есть свобода мыслей, он способен в совершенной, поэтической форме выразить эти мысли, его дело сродни подвигу’.

Слово *художник* моносемично: «человек, творчески работающий в своей области» [Ожегов, 1984, с. 756]. На словарную семему слова *художник*

накладывается контекстуальная сема ‘человек, обладающий способностью оценить результаты своего творчества, увидеть его достоинства и недостатки’. Художник противопоставлен суду «глупца» -народа (*Услышишь суд глупца и смех толпы холодной, / Но ты останься тверд, спокоен и угрюм*), – это формирует еще одну контекстуальную сему слова *художник* ‘пример поведения человека-гражданина, пример стойкости и непримиримости к злу’.

На основании взаимовлияния контекстуальных синонимов слово *поэт* обретает сему ‘пророк, который творит для общества, влияет на толпу, но не подчиняется ей’. А. С. Пушкин отмечает богоизбранность поэта, его неземное начало. Поэт теперь должен постигнуть истину и проповедовать ее другим, толпе.

Автор, безусловно, выходит за рамки узуса, расширяя границы традиционного словоупотребления и добиваясь функционирования лексем в качественно новом значении.

В стихотворении «Поэт» лексема проявляется дважды:

Пока не требует **поэта**
К священной жертве Аполлон,
В заботы суетного света
Он малодушно погружен...
<...>
Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа **поэта** вострепнется,
Как пробудившийся орел

В первом случае слово *поэт* имеет основную узусальную семему “писатель / автор стихотворных или поэтических произведений”, но наряду с ней реализуется контекстуальная сема ‘обычный человек, как и все, предается мирским развлечениям, не выделяется из толпы’.

Чтобы познать своего настоящего Бога, услышать «божий глас», должен он, «дикий и суровый», уйти от мирской тщеты, остаться наедине с собою.

Заметим, что во втором случае слово *поэт* реализует новую контекстуальную сему, которая отражает эволюцию поэта, его назначение в обществе: поэт - 'одинокый странник, избранник Бога, который способен направить поэта на истинный путь'. Вознесение Бога как апогея духовного самосовершенствования есть неотделимая часть предназначения поэта и того, что преподносит он миру.

Рассмотрим стихотворение А. С. Пушкина «Желание славы», в котором значение лексемы *поэт* раскрывается иначе:

Я на тебя глядел и думал: ты моя, –
Ты знаешь, милая, желал ли славы я,
Скучая суетным прозванием **поэта**,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанию дальному упреков и похвал.

Слово *поэт* в данном контексте не только реализует основную семему «писатель / автор стихотворных или поэтических произведений», но и несет в себе контекстуальную сему 'человек, которому томимое чувство любви вселяет равнодушие к своему поэтическому творчеству'

В стихотворении «К Языкову» происходит контаминация двух узуальных семем слова *поэт*: 1. «писатель / автор стихотворных или поэтических произведений» и 2. «человек, наделенный поэтическим отношением к окружающему миру, к жизни» [Ожегов, 1984, с. 497].

Издrevле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,

Они родня по вдохновенью.

На них наслаивается контекстуальная сема слова *поэты* - 'люди, объединенные общими благородными целями и идеями'.

Наши выводы коррелируют с мнением В. И. Коровина, который считает, что поэтов объединяют «литературное взаимопонимание по многим эстетическим вопросам, проблемам стратегии и тактики литературного движения. Их объединяют некоторые существенные черты мировосприятия и поэтики, а также ощущение единого пути в поэзии, единой направленности, которой они неуклонно следуют, сопровождаемые временными попутчиками» [Коровин, 2005, с. 15].

В стихотворении «Дельвигу» А. С. Пушкин на базе основной семемы реализует контекстуальную сему 'человек, творящий в уединении, не обеспокоенный ни потерями, ни одиночеством':

Любовью, дружеством и ленью
Укрытый от забот и бед,
Живи под их надежной сенью;
В уединении ты счастлив: ты **поэт**.

В следующем стихотворении «Андрей Шенье» образ самого А. С. Пушкина стоит за описанием судьбы А. Шенье. Данный контекст является отражением духовной жизни поэта, его раздумий о ней и творчестве в последние дни перед смертью на плахе:

Гордись и радуйся, **поэт**:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет;
Ты презрел мощного злодея;
Твой светоч, грозно пламенея,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславных.

В новом пушкинском замысле наряду с основной семемой реализовалась контекстуальная сема 'человек, гонимый тираном и самодержавными палачами'.

В стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» А. С. Пушкин представил перед нами торжественный гимн поэзии, используя устаревшее слово *пиит* - «поэт, часто в XVIII в. Из греч., под влиянием лат., польск. *Poeta*» [Фасмер, 1987, с.259]. В стихотворении *пиит* привносит торжественную, возвышенную фонацию, усиливает значительность заложенных в стихотворении раздумий поэта о роли его в обществе, о значении высоких идей, которые несет людям поэт.

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один **пиит**.

Благодаря использованию устаревшего слова появляется контекстуальная сема со значением 'человек, творения которого имеют непреходящую ценность для общества'.

Лексема *певец*

Перейдем к следующей номинации поэта – *певец*. С. И. Ожегов дает нам 3 ее толкования: 1. «человек, который поет»; 2. «артист-вокалист» и 3. «человек, который воспекает что-либо (обычно о поэте)» [Ожегов, 1984, с.447].

Рассмотрим значения, которые представлены в «Словаре языка Пушкина»: 1. «лицо, занимающееся пением, как профессией», 2. «поэт» [Словарь языка Пушкина, 2001, т.3, с. 302-304].

Символическая семантика лексем *певец* и *поэт* продиктована самим возникновением поэзии. Поэзия предусматривает музыкальность, благозвучность.

Связь слов *певец* и *поэт* упрочилась в выражении «поэт воспевает». На нее указывает В. И. Даль: «петь - воспевать, славить песней, стихотворением; описывать, изображать поэтически» [Даль, 1903, с. 445]. Особое внимание стоит обратить на слова: *воспевать, славить песней*.

Так, например, в стихотворении «Любовь одна – веселье жизни хладной» А. С. Пушкин раскрывает эту мысль применительно к молодым поэтам, которые воспевают любовь.

Вы, чувствами свободные **певцы!**

Пред милыми смирялись вы душою,

Вы пели страсть – и гордою рукою

Красавицам несли свои венцы.

<...>

Слепой Амур, жестокий и пристрастный,

Вам терния и мирты раздавал;

Певцы любви! младую пойте радость,

Склонив уста к пылающим устам,

В объятиях любовниц умирайте;

Стихи любви тихонько вздыхайте!..

Намекая на чувственность их стихов, автор раскрывает понятийное ядро лексемы *певец*, накладывая на основную семему “человек, который воспевает что-либо (обычно о поэте)” контекстуальную сему ‘поэт, задающийся вечным вопросом неразделенной любви’.

Следующее стихотворение «Певец» передает иную смысловую нагрузку, используя основную семему, которая дана в «Словаре языка Пушкина»: “лицо, занимающееся пением как профессией / певец (поющий о чём-нибудь, что-нибудь)”:

Слыхали ль вы за рощей глас ночной

Певца любви, певца своей печали?

Когда поля в час утренний молчали,

Свирели звук унылый и простой

Слыхали ль вы?

А. С. Пушкин ставит перед собой цель – вызвать интерес читателей к образу страдающего влюбленного юноши. Таким образом, появляется контекстуальная сема слова *певец*: ‘поэт, который хочет поделиться с народом своим душевным страданием, разуверившись в первой любви’.

В стихотворении А. С. Пушкина «К морю» поэт как бы создан «духом моря», поэт словно океан, он «могущ, глубок и мрачен», «ничем не укротим».

Исчез, оплаканный свободой,

Оставя миру свой венец.

Шуми, взволнуйся непогодой:

Он был, о море, твой **певец**.

В данном контексте на основную семему “человек, который воспекает что-либо (обычно о поэте)” накладывается контекстуальная сема ‘мятежный, буйный поэт, который воспекает свободу’.

Лексема *гений*

Следующая лексема, которую мы будем рассматривать, также имеет несколько словарных значений – это лексема *гений*. С. И. Ожегов дает следующие значения: 1. «высшая творческая способность», 2. «человек, обладающий такой способностью». Еще одно значение проистекает из древнеримской мифологии: 3. «дух, покровитель человека», позже вообще «олицетворение добрых или злых сил» [Ожегов, 1984, с. 111].

Обратим внимание на то, какие значения даны нам в «Словаре языка Пушкина»: 1. «Статуя, изображающая римское божество – хранителя человека, ода местности», 2. «в римской мифологии, дух – покровитель человека, дух добра и зла», 3. «воплощение какого-нибудь идеала душевных свойств человека; высшее проявление чего-нибудь», 4. «творческий дар,

врожденное дарование, способность к чему-нибудь», 5. «гениальный человек» [Словарь языка Пушкина, 2001, т.1, с.470 - 471].

У А. С. Пушкина *гений* – это исключительный творческий дар, высшая творческая одаренность человека. Гениальный человек видит и чувствует высшую гармонию и способен выразить ее в поэзии так, что эта высшая гармония становится доступна и понятна большинству людей. Творчество гения возвышает нас, пробуждает в нас добрые чувства, показывает нам высшие нравственные ценности и вечную красоту. Гений неотделим от творческого вдохновения.

Когда А. С. Пушкин пишет о *гении*, он часто упоминает вдохновение и называет его «признак Бога». Вдохновение – это особое озарение души, высший настрой, который и позволяет гению чувствовать красоту мира, и даже предчувствовать события. Вдохновение – это постоянное горение творчества, как пишет А. С. Пушкин, «пламенный восторг». Необходимым и обязательным условием творческого горения являются чистое сердце и светлые мысли. Злом нельзя творить. Об этом А. С. Пушкин рассуждает в драме «Моцарт и Сальери»:

Он же **гений**,

Как ты да я. А гений и злодейство –

Две вещи несовместные. Не правда ль?

Здесь происходит контаминация двух узусных семем “человек, обладающий высшей творческой способностью” и “воплощение какого-нибудь идеала душевных свойств человека; высшее проявление” [Словарь языка Пушкина, 2001, т.1, с.470]. На этой основе автор создает контекстуальную сему ‘человек, наделенный божественным даром, который дан с целью донести до людей добро как вечную ценность’.

Лексема *творец*

Лексема творец в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова имеет 2 значения: «человек, который создает что-либо творчески». В религии же:

«Бог, создатель мира» [Ожегов, 1984, с. 686]. Они коррелируют со значениями, данными в «Словаре языка Пушкина»: 1. «по религиозным представлениям, бог, создатель вселенной», 2. «тот, кто создал что-нибудь, создатель (об авторе какого-нибудь произведения)», 3. «форма им. пад. ед. ч. в значении восклицания, выражающего чувство удивления, досады и т.п.» [Словарь языка Пушкина, 2000, т.4, с. 506]:

В стихотворении «К Жуковскому» слово *творец* имеет узуальную семему: “тот, кто создал что-нибудь, создатель (об авторе какого-нибудь произведения)”:

Творцы бессмертные, питомцы вдохновенья!...

Вы цель мне кажете в туманах отдаленья

К ней примыкает дескриптивная номинация *питомцы вдохновенья*, которая образует сему ‘вдохновенный поэт, для которого условием сотворения великого произведения является чувство вдохновения’.

Благодаря контаминации слова *творец* и дескрипции *питомцы вдохновенья* возникает контекстуальная сема ‘вдохновенный поэт, произведения которого имеют непреходящую ценность’.

Лексема *стихотворец*

Следующая лексема моносемична: «поэт, сочинитель стихов» [Ожегов, 1984, с. 667]. Узуальное значение созвучно со значением, данным в «Словаре языка Пушкина»: «сочинитель стихов, поэт» [Словарь языка Пушкина, 2001, т.4, с. 388].

Обратимся к стихотворению «Моя родословная»:

Я грамотей и **стихотворец**,

Я Пушкин просто, не Мусин.

На основе данного стихотворения наряду с основной семемой слова *стихотворец* возникает контекстуальная сема ‘поэт, перед которым встает четкое полное внутреннего достоинства утверждение общественного, народного значения себя как писателя’.

«Я стихотворец» - звучит гордой декларацией независимости писателя, заявлением, перекликающимся с пафосом обращения к себе в сонете «Поэту»: «Ты царь...Дорогою свободной иди...».

Лексема *писатель*

Лексема также моносемична: «человек, который занимается литературным трудом, пишет художественные литературные произведения» [Ожегов, 1984, с. 447].

Рассмотрим стихотворение «К другу стихотворцу»:

Не так, любезный друг, **писатели** богаты;
Судьбой им не даны ни мраморны палаты,
Ни чистым золотом набиты сундуки:
Лачужка под землей, высоки чердаки.

А. С. Пушкин, используя основную семему слова *писатель*, создает контекстуальную сему 'поэт, которому предначертана тяжелая судьба'. Важно отметить, что сема отражает судьбу не конкретного человека, а поэтов в целом.

При анализе апеллятивов мы опирались не только на толковые словари, но и на «Словарь языка Пушкина», однако выяснили, что он не может учесть всех семантических нюансов. Полное значение слова в контексте может дать только компонентный анализ.

На основе анализа мы сделали вывод, что основными значениями, которыми А. С. Пушкин наделяет слова со значением 'поэт', стали:

- избранник Бога;
- человек, для которого условием творчества является уединение, одинокий;
- человек, творения которого имеют непреходящую ценность для общества;
- человек, задающийся вечными вопросами (любовь, свобода).

На основе новых сем, образовавшихся под влиянием контекста, складывается «портрет поэта», по мысли А. С. Пушкина. Тем самым поэт – это существо противоречивое, он может быть и стихией, и пророком, и изгнанником, которому зачастую предначертана тяжелая судьба. Безусловно, поэт должен обладать даром поэтического слова, которое имеет большую ценность для общества.

Так, А. С. Пушкин сумел дать слову всю совокупность принадлежащих ему смыслов. Слово перестало быть «однобоким», повернутым лишь к тем сторонам действительности, которые считались подходящими для «правильного» воплощения.

Значения слов у А. С. Пушкина не заданы заранее, они творятся здесь и сейчас, поэтому норма «открыта». Она свободно охватывает любую действительность, подчиняясь воле пишущего.

Язык А. С. Пушкина - это семантический, образный, смысловой прорыв в литературной эволюции языка. Он выходит за рамки повседневного, общепринятого, и поэтому «вербально-семантический» уровень автора достоин тщательного изучения. В нем проявляется выразительность художественного текста: «ассоциативно-семантический уровень всегда красноречив...» [Караулов 2010, 178].

3.2. Семантические особенности апеллятивной лексики в лирических текстах М. И. Цветаевой

Перейдем к анализу семантики номинативных единиц М. И. Цветаевой.

Как и у А. С. Пушкина, так и у М. И. Цветаевой номинация *поэт* является самой частотной.

Лексема *поэт*

Стихотворение «Моим стихам, написанным так рано...» являет собой раннюю лирику М. И. Цветаевой и становится отправной точкой юной

поэтессы. В нем поднимается тема процесса *своего* творческого становления, осознания себя как *поэта*, и в этом случае данная лексическая единица остается в рамках узуальной семемы: “писатель / автор стихотворных или поэтических произведений”:

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я - **поэт**,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет.

В стихотворении М. И. Цветаевой «Какой-нибудь предок мой был – скрипач...» центром снова оказывается сама поэтесса:

Какой-нибудь предок мой был - скрипач,
Наездник и вор при этом.
Не потому ли мой нрав бродяч
И волосы пахнут ветром!
Не он ли, смуглый, крадет с арбы
Рукой моей – абрикосы,
Виновник страстной моей судьбы,
Курчавый и горбоносый.

<...>

И было всё ему нипочем, –
Как снег прошлогодний – летом!
Таким мой предок был скрипачом.
Я стала – таким **поэтом**.

Стихотворение раскрывает определенные черты лирической героини. Важно, что для этого М. И. Цветаева обращается к своей родословной. На базе основной семемы “писатель / автор стихотворных или поэтических произведений” появляется контекстуальная сема ‘поэт, которому суждено жить в изгойстве и одиночестве’.

Стихотворение «Поэт – издалека заводит речь» насыщено более глубоким цветаевским рассуждением о поэте и поэзии:

Поэт – издалека заводит речь.

Поэта - далеко заводит речь.

Планетами, приметами, окольных
Притч рытвинами... Между да и нет
Он даже размахнувшись с колокольни
Крюк выморочит... Ибо путь комет –

Поэтов путь. Развеянные звенья
Причинности - вот связь его! Кверх лбом
Отчаются! Поэтовы затменья
Не предугаданы календарем.

Здесь *поэт*, с точки зрения М. И. Цветаевой, - существо особое.

Наши суждения коррелируют с мнением И. Ю. Беляевой, которая считает, что поэт – «носитель, субъект речи и одновременно находится в ее власти (Поэта – далеко заводит речь), речь – вот главный Вожатый поэта. Знание поэта имеет магический характер, дорациональный (приметы, окольных притч рытвины) <...> Этот парадоксалистский текст является результатом цветаевской рефлексии на тему ее собственного предназначения, жизненного пути и поэтического призвания» [Белякова, 2008, с. 148]. В этом мотиве всецело раскрывается цветаевский поэт.

Так, данное стихотворение на основе узуальной семемы “писатель / автор стихотворных или поэтических произведений” реализует контекстуальную сему ‘человек, свободный в рамках своего духовного поэтического мира, обладающий необыкновенным даром мышления’.

Лексема *певец*

Рассмотрим лексему *певец* на примере стихотворения «Нежный призрак»:

То не ветер
Гонит меня по городу,
Ох, уж третий
Вечер я чую вóрога.
Голубоглазый
Меня сглазил
Снеговой **певец**.

Так М. И. Цветаева начинает своеобразный диалог с А. А. Блоком, в котором можно заметить «соответствия и блоковские метаморфозы стихии-вьюги-героини-снежной птицы, причем они *становятся характеристикой не мира и героини*, как было у Блока, а *самого героя*», что способствует созданию «блоковского текста» М. И. Цветаевой, где «с вьюгой-птицей отождествлен сам герой», сам А. А. Блок [Бройтман, 2005, с. 7].

В стихотворении используется основная семема слова *певец* “человек, который воспевает что-либо (обычно о поэте)”, в данном случае слово реализует контекстуальную сему ‘поэт, подобный стихии, свободный’.

В стихотворении «Стихи растут как звезды и как розы» М. И. Цветаева размышляет на тему поэта и поэзии, о тайнах мастерства поэта.

Мы спим – и вот, сквозь каменные плиты,
Небесный гость в четыре лепестка.
О мир, пойми! **Певцом** – во сне – открыты
Закон звезды и формулы цветка.

Используя множественное число «мы» - певцы, М. И. Цветаева говорит о том, что условие творчества для любого поэта – сон. «Сон поэта – условный сон наяву. Это состояние вслушивания в себя, когда мысль тайно работает, творит, созидает» [Темненко, 2009, с. 181].

Таким образом, слово *певец*, реализует основную семему “человек, который воспекает что-либо” и приобретает контекстуальную сему ‘поэт, для которого условием творчества становится уединение’.

Лексема *словоискатель*

Продemonстрируем лексему на примере стихотворения «Ёмче органа и звонче бубна»:

Словоискатель, словесный хахаль,
Слов неприкрытый кран,
Эх, слуханул бы разок - как ахал
В ночь половецкий стан!

Лексема *словоискатель* наряду с дескриптивной номинацией *словесный хахаль* реализуют общую контекстуальную сему ‘человек, находящий точные слова для выражения мысли, обладающий даром поэтического слова’.

Таких лексем, конечно, в словарях мы не встретим, так как они являются *окказионализмами*. Поясним. Своеобразным сочетанием, синтезом национального языка, культуры и личностного восприятия картины мира в языке являются окказиональные образования – неотъемлемая часть индивидуально-авторского стиля, одно из ярчайших проявлений языковой личности автора.

Окказиональное (слово, значение, словосочетание, звуко сочетание, синтаксическое образование), по мнению О. С. Ахмановой, – это «неузуальное, не соответствующее общепринятому употреблению, характеризующееся индивидуальным вкусом, обусловленное специфическим контекстом употребления» [Ахманова, 1969, с. 284].

Н. Г. Бабенко называет следующие причины, склоняющие автора к созданию индивидуальных авторских образований: потребность наиболее точно передать мысль (узуальных слов обычно для этого недостаточно); подчеркнуть авторское отношение к называемому предмету, дать ему свою

оценку; стремление своеобразным обликом слова обратить внимание на его семантику; избежание тавтологического повтора [Бабенко, 1997, с.84].

Лексема *демон*

С. И. Ожегов дает единственное значение лексеме *демон* «сатана, злой дух» [Ожегов, 1984, с.137].

М. И. Цветаева в стихотворении «Анне Ахматовой» вводит контекстуальную сему ‘поэт, обладающий высшей, демонической силой’:

Облачный - темен - лоб
Юного **демона**.
Каждого из земных
Вам заиграть - безделица!
И безоружный стих
В сердце нам целится.

Образ А. А. Ахматовой «напоминает лирическую героиню самой М. И. Цветаевой: Эта Муза - одухотворённый голос, наделённый божественными свойствами, которому Цветаева молится и исповедуется, как божеству. И в этом божественно-высоком образе, обладающем портретными чертами Ахматовой, заключена пронзающая сила, демоническая мощь, в которой так нуждается Марина Цветаева» [Култышева, 2015, с. 949].

И это демоническое начало самой М. И. Цветаевой мы можем проследить в стихотворении «Жив, а не умер»:

Жив, а не умер
Демон во мне!
В теле как в трюме,
В себе как в тюрьме.

В «Мифологическом словаре» Е. М. Мелетинского слово *демон* содержит в себе следующие семемы: «мгновенно возникающая и мгновенно уходящая страшная роковая сила, которую нельзя назвать по имени, с которой нельзя вступить ни в какое общение», «посредники между богами и

людьми». Также «в римской мифологии демон соответствует понятию гений», «в раннехристианских представлениях: демон связаны с образом злой демонической, бесовской сил» [Мелетинский, 1990, с.182].

На основе «Мифологического словаря» Е. М. Мелетинского мы можем сделать вывод, который согласуются с выводами исследователя И. А. Шадрихиной. Она считает, что «демон есть не что иное, как внезапное повеление писать, говорить, это приказ выше, который не подлежит обсуждению. Это своеобразная тирания по отношению к пишущему. В то же время сам поэт есть демон, он, как уже говорилось выше, пребывает в некоем междумирье, в подвешенном состоянии между землей и небом, в постоянном стремлении вверх» [Шадрихина, 2012, с.134].

Таким образом, в данном стихотворении реализуется контекстуальная сема слова *демон*: ‘поэт, находящийся под властью творческой одержимости, сравнимой с демонической силой’.

Лексема *ангел*

С. И. Ожегов дает нам 3 узуальные семемы: 1. «В религии: служитель Бога, исполнитель его воли и его посланец к людям», 2. «о человеке как воплощении красоты, доброты», 3. «обычно в сочетании с местоимениями “мой”, “наш”. Ласковое обращение (устар. разг.)» [Ожегов, 1984, с. 24].

Говоря о А. А. Блоке в стихотворении «Думали – человек!», поэтесса использует антонимичную лексему, называя его ангелом:

Думали - человек!

И умереть заставили.

Умер теперь. Навек.

- Плачьте о мертвом **ангеле!**

Дело в том, что М. И. Цветаева считала его и его творчество необычайным литературным явлением, которое не могло умереть. Те, кто считал А. А. Блока прежде всего поэтом, не могли воспринимать его как человека обыкновенного.

Таким образом, в стихотворении появляется новая контекстуальная сема слова *ангел*: ‘поэт, существо творческое, неземное, соотносимое с Богом’.

Лексема *классик*

С. И. Ожегов выделяет 4 узусных семы слова *классик*:
1. «художник или деятель науки, труды которого имеют вечную ценность»;
2. «сторонник классицизма»; 3. «специалист по классической филологии», а также 4. «человек с классическим образованием» [Ожегов, 1984, с.238].

Рассмотрим лексему, которая встречается в цикле М. И. Цветаевой «Стихи к Пушкину»:

Недурен российский **классик**,
Небо Африки – своим
Звавший, невяское – проклятым!

М. И. Цветаева использует здесь узусную сему “художник или деятель науки, труды которого имеют вечную ценность”, на базе которой появляется контекстуальная сема ‘поэт, который внес огромный вклад в отечественную поэзию’.

Лексема *автор*

Лексема моносемична: «создатель какого-нибудь произведения» [С. И. Ожегов, 1984, с. 19].

Стихотворение «Потусторонним» М. И. Цветаева характеризует как месть поэта за поэта:

Столь величавый
В золоте барм.
-Пушкинской славы
Жалкий жандарм.
Автора - хаял,
Рукопись - стриг.

В данном случае сохраняя узуальную семему, слово *автор* приобретает контекстуальную сему 'великий поэт, подвергшийся влиянию власти'.

Лексема *песнопевец*

Следующая номинация моносемична: «поэт, слагающий торжественные стихи, гимны; исполнитель песнопений» [Ожегов, 1984, с.443].

Рассмотрим лексему в контексте стихотворения «Солнце вечера - добрее»:

«Солнце вечера – добрее»:

Простотой своей - тревожа

Королевской,

Солнце Вечера - дороже

Песнопевцу!

«Солнце вечера» воспринимается как символ поэтического вдохновения, как благоприятный момент для творчества. Этот образ раскрывается через образ Аполлона (*песнопевца*) – бога Солнца, который вдохновлял многих творцов на создание великих произведений искусства. Тем самым слово *песнопевец* у М. И. Цветаевой обретает контекстуальную сему 'поэт, для которого нет ничего важнее поэтического вдохновения, ибо живет он только творчеством'.

В заключение хотелось бы отметить: М. И. Цветаева в своих текстах использует такой пласт номинаций, который более всего подчеркивает отличительные черты поэта; она четко определяет тонкости наименования лица и раскрывает те смысловые оттенки, которые подсвечены определенным контекстуальным окружением.

В результате анализа ключевых стихотворений поэтессы мы можем сделать вывод, что у М. И. Цветаевой, как и у А. С. Пушкина, встречается характеристика *поэта* как понятия в целом, так и характеристика

определенных частных его проявлений. В лирических текстах М. И. Цветаевой появляются следующие значения:

- богоподобный;
- человек, которому суждено жить в изгойстве и одиночестве;
- человек, свободный в рамках своего духовного поэтического мира, обладающий необыкновенным даром поэтического слова;
- человек, для которого условием жизни и творчества становится вдохновенное уединение;
- человек, находящийся под властью творческой одержимости, сравнимой с демонической силой.

Такими образом, на основе влияния предшественника, собственного поэтического опыта самой М. И. Цветаевой и новой эпохи сложился новый «портрет поэта». Поэт для М. И. Цветаевой – человек трагичной судьбы, обреченный жить в мире, где царит жестокость, обреченный на одиночество. Но от обычных людей поэта отличает неземное начало, которое проявляется в творческой одержимости. Так, по представлениям М. И. Цветаевой, может быть подобен и Богу, и существам, занимающим промежуточное положение между Богом и человеком, то есть ангелу или демону.

Вероятно, главным критерием как для А. С. Пушкина, так и для М. И. Цветаевой является использование апеллятивов с семантикой поэта во всех конструкциях, определяющих понимание сущности творчества и поэта как одного из его создателей и представителей.

3.3 Семантические особенности апеллятивной лексики в лирических текстах И. А. Бродского

Напомним, что лексема *поэт* в лирических текстах И. А. Бродского менее частотна, чем лексема *певец*, но мы сохраняем логику рассмотрения номинаций.

Лексема *поэт*

Ах, проклятое ремесло **поэта**.
Телефон молчит, впереди диета.
<...>
мне, как **поэту**, все это чуждо.
Больше: я знаю, что «коемуждо...»
Пишу и вздрагиваю: вот чушь-то,
неужто я против законной власти?
Время спасет, коль они неправы.
Мне хватает скандальной славы.
Но плохая политика портит нравы.
Это уж - по нашей части!

Проблема общественного сознания, попавшего под идеологию власти, была актуальна для И. А. Бродского в течение всей жизни, ведь он как поэт сформировался в условиях давления на личность, где сопротивление власти стало основой его становления.

В стихотворении «Речь о пролитом молоке» поэт говорит о своих современниках как о зависимых от коллективного мнения, насаждаемого сверху. В этом случае слово *поэт* сохраняет узуальную семему “писатель / автор стихотворных или поэтических произведений” и приобретает контекстуальную сему ‘поэт - изгой, так как не понят толпой, одинокий’.

В стихотворении «К Евгению» И. А. Бродский философствует об итоге своих скитаний:

Скушно жить, мой Евгений. Куда ни странствуй,
всюду жестокость и тупость воскликнут: «Здравствуй,
вот и мы!» Лень загонять в стихи их.
Как сказано у **поэта**: «на всех стихиях».
Далеко же он видел, сидя в родных болотах!
От себя добавлю: на всех широтах.

И. А. Бродский ссылается здесь на пушкинское «на всех стихиях человек тиран, предатель или узник». Мы солидарны с мнением Н. М. Кравченко, которая считает, что «пессимизм Бродского идёт ещё дальше пушкинского. „Только с горем я чувствую солидарность“, – пишет он. Это поэт безутешной мысли. В отличие от романтического поэта ему нечего противопоставить холоду мира. „Небеса пусты“, на них надежды нет, а холод и мрак в своей душе едва ли не сильнее окружающей стужи» [Кравченко, 2004, с.51].

В этом случае слово *поэт* обретает еще более негативную коннотацию. В дополнении к основной семеме слова *поэт* реализуется контекстуальная сема ‘страдалец от несовершенства мира, непонятости его другими людьми, что рождает его одиночество, оторванность от мира’.

Следующее стихотворение «Моллюск» - это попытка художественного построения собственной картины мира:

«Многие жили без, -
заметил **поэт**, - любви,
но никто без воды».
Отсюда - мой сентимент.
И скорей, чем турист,
готовый нажать на спуск
камеры в тот момент,

когда ландшафт волнист,
во мне говорит моллюск.

<...>

В ней есть нечто от губ
с пеною вдоль скулы.
Склонностью пренебречь
смыслом, чья глубина
буквальна, морская даль
напоминает речь,
рванные письма,
некоторым - скрижаль.

Одним из воплощений его лирического «я» является моллюск, который символизирует принадлежность лирического сознания к поэтическому началу – морю («во мне говорит моллюск»), так как волна, море у И. А. Бродского сопоставляется с поэтической речью, духовным началом поэта, с самим поэтом.

Напомним, что А. С. Пушкин и М. И. Цветаева также соотносят поэта со стихией. А. С. Пушкин отождествляет поэта с морем, М. И. Цветаева - с вьюгой, но в обоих случаях поэт подобен стихии – значит, свободный. У И. А. Бродского же «море – поэт, оно не просто речь, оно – возможность речи» [Генис, 1996, с.222]. В море – истоки его поэзии. Море – его стихия.

На этом основании слово *поэт*, сохраняя узкую семему, воплощает контекстуальную сему ‘поэт, сравнимый с водной стихией, морское воплощение’.

Ранее нами уже было отмечено, что пушкинская поэзия для И. А. Бродского – это высшая форма языка поэзии, поэтому зачастую у И. А. Бродского прослеживается пушкинская лексика. Одна из таких лексем, которую более широко раскрывает И. А. Бродский – лексема *певец*, –

воспринятая автором, прошедшая через его собственные представления о поэтике, она получила новые оттенки значений.

Лексема *певец*

Рассмотрим стихотворение «Римские элегии», в котором реализуется лексема *певец*:

Черепица холмов, раскаленная летним полднем.
Облака вроде ангелов – в силу летучей тени.
Так счастливый булыжник грешит с голубым исподним
Длинноногой подруги. Я, **певец** дребедени,
Лишних мыслей, ломаных линий, прячусь
в недрах вечного города от светила,
навязавшего цезарям их незрячесть...

Герой прячется от солнца – это стремление к тени, которое является значимым, так как оно вызвано желанием героя «всмотреться» в жизнь.

Данное слово, сохраняя узуальную семему “человек, который воспевает что-либо”, приобретает контекстуальную сему ‘*певец* жизни’.

В стихотворении «Развивая Крылова», одном из первых, написанных в ссылке, И. А. Бродский говорит о себе:

Они расположились над крыльцом,
возвысясь над околицей белесой,
над сосланным в изгнание **певцом**,
над спутницей его длинноволосой.

На базе основной семемы слова *певец* в данном контексте появляется сема ‘поэт-изгнанник’:

В своем знаменитом стихотворении «Пятая годовщина» И. А. Бродский говорит о своем друге, поэте Евгении Рейне:

Я вырос в тех краях. Я говорил «закурим»
их лучшему **певцу**. Был содержимым тюрем...
От слов «их лучшему певцу» стрелка и надпись:

«Е.Рейн, хозяин этой книги».

Слово *певец* в данном случае за рамки узусальной семемы не выходит.

Следующее стихотворение, которые мы рассмотрим – стихотворение «Одной поэтессе»:

Один **певец** подготавливает рапорт.
Другой рождает приглушенный ропот.
А третий знает, что он сам лишь рупор.
И он срывает все цветы родства.

Здесь И. А. Бродский «стремится выработать свое определение специфики и сущности поэтического искусства и в этой связи анализирует дававшиеся до него определения, в первую очередь ставшие хрестоматийными» [Ратников, 1999, с.143-144.], приспособляя пушкинские строки к реалиям современности.

Концовка строфы оказывается, по сути, созвучной поэтической формуле А. С. Пушкина: *«Не для житейского волненья, / Не для корысти, не для битв, / Мы рождены для вдохновенья, / Для звуков сладких и молитв»*.

Следовательно, «подлинная задача поэта, названного по-пушкински возвышенно - *певец* (ср: *«Лишь я, таинственный певец...»*), в интерпретации Бродского не противоречит пушкинскому пониманию» [Ратников, 1999, с.143-144.].

Таким образом, на основе узусальной семемы слова *певец* появляется контекстуальная сема 'поэт как рупор вдохновения, служитель Муз'.

Рассмотрим стихотворение «На смерть Т. С. Элиота»:

Без злых гримас, без помышленья злого,
из всех щедрот Большого Каталога
смерть выбирает не красоты слога,
а неизменно самого **певца**.

«На смерть Т. С. Элиота» можно считать выражением философии И. А. Бродского, его идеи вечности творца.

Лексема *певец* в данном случае имеет глубокое значение. Слово *певец*, не теряя своей основной семемы, приобретает контекстуальную сему ‘бессмертный автор, богоподобный поэт, которому дарован Язык’.

В стихотворении «Пьяцца Маттеи» мы можем проследить «вариант автопортрета» И. А. Бродского, где возникает ассоциация «я – певца» с отбросом, огрызком:

Огрызок цезаря, отлета,
певца тем паче
есть вариант автопортрета
Скажу иначе:
усталый раб – из той породы,
что зрим все чаще, -
под занавес глотнул свободы.

В данном стихотворении И. А. Бродский воссоздает свой образ, соотнося его с пушкинским контекстом («*На свете счастья нет, но есть покой и воля / Давно завидная мечтается мне доля – / Давно, усталый раб, замыслил я побег*» А. С. Пушкин); трансформируя и переосмысливая его, И. А. Бродский усиливает интертекстуальный эффект текста.

На основе узуальной семемы слова *певец* появляется контекстуальная сема ‘поэт для которого невозможность свободно творить сродни рабству’.

Такое уподобление биографически обусловлено: ведь только в эмиграции поэт получил возможность свободно творить.

Лексема *автор*

Рассматривая лексему *автор* в стихотворении «С видом на море», мы опять затрагиваем одну из важных тем поэзии И. А. Бродского – море:

И речь бежит из-под пера
не о грядущем, но о прошлом;
затем что **автор** этих строк,
чьей проницательности беркут

мог позавидовать, пророк,
который нынче опровергнут,
утратив жажду прорицать,
на лире пробует бряцать.

И. А. Бродский говорит здесь о себе. Он «приписывает себе проницательность беркута и, посмеиваясь, примеривает на себя роль пророка, который, “утратив жажду прорицать, на лире пробует бряцать”» [Бельская, 2015, с.31.].

В данном стихотворении слово *автор* имеет основную семему “создатель какого-либо произведения”, на основе которой появляется контекстуальная сема ‘богоподобный поэт’.

Лексема *творец*

Напомним, что лексема *творец* в «Словаре ...» С. И. Ожегова имеет следующие семемы: «человек, который создает что-либо творчески». В религии же: «Бог, создатель мира» [Ожегов, 1984, с. 686].

Рассмотрим реализацию лексемы в стихотворении И. А. Бродского «Бабочка», которое затрагивает две его любимые темы - о соразмерности человека-творца и Бога-творца:

Сказать, что ты мертва?
Но ты жила лишь сутки.
Как много грусти в шутке
Творца! едва
могу произнести
«жила» – единство даты
рожденья и когда ты
в моей горсти
рассыпалась, меня
смущает вычестъ
одно из двух количеств

в пределах дня.

Замечательны строки, содержащие сравнение пера, которое снимает тяжесть с плеч поэта, освободив его от бремени стихов, как бабочки, снимающей пыльцу с цветка.

Так, в данном стихотворении происходит контаминация двух узуальных семем, которые на основе взаимодействия реализуют контекстуальную сему 'поэт, подобный Богу'.

Лексема *письменник*

С. И. Ожегов не дает нам его толкования. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля лексема имеет одно значение: «грамотный, грамотей» [Даль, 1903, с. 288].

Я, заявившись в Люксембургский сад,
смотрю на затвердевшие седины
мыслителей, **письменников**; и взад.

Отталкиваясь от узуальной семемы слова *письменник*, И. А. Бродский реализует контекстуальную сему 'творец, поэт'.

В результате, И. А. Бродский в номинацию 'поэт' вкладывает такие значения, как:

- человек, способный жить и творить в рамках особого писательского пространства, в континууме поэзии;
- человек, подобный стихии;
- богоподобный;
- рупор вдохновения.
- страдалец от несовершенства мира, непонятости другими людьми, что рождает его одиночество, оторванность от мира;
- изгнанник.

Это определяется тем, что литература для И. А. Бродского - это одинокое познание, которое так или иначе приводит автора в изгнание. Писатель приходит к мысли об обреченности жить в абсолютной

оторванности, изоляции, как считает сам поэт: «писатель – одинокий путешественник» [Бродский, 2000, с.4].

Таким образом, поэт в представлении И. А. Бродского – это человек, который может жить и творить лишь в одиночестве. Сам И. А. Бродский говорил: «Поэт рассматривается как единственно возможное приближение к святому. Общество навязывает поэту роль святого, которую он играть совершенно не в состоянии» [Волков, 2000, с. 159].

Выводы по 3-ей главе

Важнейшим признаком поэтического слова в лирических текстах А. С. Пушкина, М. И. Цветаевой, И. А. Бродского мы признали многозначность, бесконечную смысловую перспективу слова. В выборе семантики для номинации поэта они редко используют слова, за которыми закреплена узуальная семантика, влекущая за собой шаблонную коннотацию, а если же используют таковую, то с определенной стилистической целью.

Главными требованиями поэтов к слову являются: точность, экспрессивность и полная передача выражаемых мыслей и чувств, что подтверждается использованием разнообразных повторных и вторичных наименований, в числе которых мы встречаем контекстуальные синонимы и антонимы.

Авторы, за исключением И. А. Бродского, используют дескриптивные номинации, которые обладают исключительной семантической содержательностью в тексте.

Общим в понимании сущности поэта для А. С. Пушкина, М. И. Цветаевой и И. А. Бродского оказывается значение, связанное с тяжелой жизнью поэта, который обречен на одиночество во имя творческого

вдохновения. И в нем читается высокая цель поэта как пророка – донести до сердца и разума народа Божественные истины или сокровенные знания.

Однако в текстах М. И. Цветаевой и И. А. Бродского ярче, чем у А. С. Пушкина, отражена установка на вечное изгнание. А. С. Пушкин освещает тему одиночества лишь в контексте способа поэтического настроения на вдохновение.

У авторов частотна поэтическая реинтерпретация, то есть возобновление или переосмысление, изменение смысла слова или высказывания. Так, зачастую к текстам А. С. Пушкина апеллируют М. И. Цветаева и И. А. Бродский. Поэтическая реинтерпретация является немаловажным показателем и в выборе нужной номинации для раскрытия понятийного ядра лексемы в определенном контекстуальном окружении.

Однако поэты не только идут за своими предшественниками, но и вносят в каждое слово свое понимание, являющееся одновременно показателем эпохи, в которой живет автор. Различен на этом основании выбор лексем. Так, А. С. Пушкин использует слова с высокой стилистической окраской. М. И. Цветаева и И. А. Бродский обращаются к пушкинским лексемам, но их оказывается недостаточно, чтобы дать полную характеристику поэта. Они используют ту апеллятивную лексику, которая свойственна времени, в котором они живут.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ слова с точки зрения семасиологии и ономасиологии дает возможность увидеть, насколько лексическое значение слов не только многозначно, но и широкозначно в своем проявлении.

Предшествующие лингвистические работы показывают, что проблема ономасиологического и семасиологического подходов к слову освещена достаточно широко, однако сопоставительный анализ апеллятивов с семантикой 'поэт' в лирических текстах трех гениальных авторов трех временных срезов (А. С. Пушкина, М. И. Цветаевой и И. А. Бродского) не предпринимался.

Наше исследование было сосредоточено на анализе семантики номинаций как в макротекстовом пространстве каждого поэта, так и в конкретном лирическом тексте. Эти позиции позволили соотнести повторные и вторичные номинации с разных ракурсов и сделать следующие выводы.

1. А. С. Пушкин и М. И. Цветаева для выражения смысла используют не только слова, но и дескриптивные наименования.

2. В художественных текстах частотно явление поэтической реинтерпретации. М. И. Цветаева, обращаясь к пушкинским словам с семантикой поэта, вносит в номинативные единицы новые значения, либо использует данное значение в новой фонетической оболочке. И. А. Бродский же вносит в слова свою коннотацию, ограничиваясь запасом номинаций предшественников и не обращаясь к дескриптивным номинациям.

3. Пушкинские апеллятивы с семантикой поэта содержат семантику пророческого начала, одиночества, народного значения творца, любви как одного из главных источников вдохновения. Апеллятивная лексика М. И. Цветаевой приобретает трагический оттенок, что обусловлено тяжелой судьбой поэтессы. Ее номинативные единицы пронизаны семантикой

одинокости, изгойства. Поэт у М. И. Цветаевой являет собой неземное начало, но он может проявляться в разных ипостасях. В номинациях И. А. Бродского тоже присутствуют мотивы одиночества, но они выражены в неприятии этого абсурдного мира самим поэтом. Слова со значением поэта он семантически варьирует, признавая огромную важность поэтического вдохновения, без которой жизнь невозможна.

4. И для А. С. Пушкина, и для М. И. Цветаевой, и для И. А. Бродского главной задачей становится отражение жизни поэта вообще, его творческого пути. Но для А. С. Пушкина главной темой становится осознание своего творческого становления. М. И. Цветаева и И. А. Бродский чаще говорят о других поэтах, которые тем или иным образом повлияли на их поэтическое искусство.

Авторы редко ограничиваются узкой семой слова. Главным для них является выбор точного слова, которое в определенном контексте не только передаст главную мысль поэта, но и отразит семантические нюансы слова в разном контекстном окружении.

Полагаем, что общефилологический подход, состоящий во взаимосвязи лингвистического и литературоведческого аспектов, позволяет наиболее полно выявить особенности функционирования языковых единиц в художественном тексте.

Перспективой исследования мы видим сопоставительную характеристику других единиц (например, единиц семантического поля «Творчество» в целом) в лирических текстах А. С. Пушкина, М. И. Цветаевой, И. А. Бродского.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

1. *Бродский, И. А.* Осенний крик ястреба / И. А. Бродский. – СПб.: Азбука-классика, 2009. – 544 с.
2. *Бродский, И. А.* Письмо в Нью-Йорк Таймс (1 окт. 1972 г.) / И. А. Бродский // Звезда. – 2000. – № 5. – С. 4.
3. *Бродский, И. А.* Сочинения Иосифа Бродского / И. А. Бродский. – СПб.: Пушкинский фонд, 1999. – Т. 5. – 256 с.
4. *Бродский, И. А.* Холмы: Стихотворения / И. А. Бродский. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 416 с.
5. *Бродский, И. А.* Часть речи: Избранные стихотворения / И. А. Бродский. – 2-е изд, доп. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 464 с.
6. *Пушкин, А. С.* Собрание сочинений в 10-ти т. / А. С. Пушкин. – М.: Правда, 1981. – Т.1. – 448 с.
7. *Пушкин, А. С.* Собрание сочинений в 10-ти т. / А. С. Пушкин. – М.: Правда, 1981 – Т.2. – 416 с.
8. *Пушкин, А. С.* Стихотворения. Поэмы / А. С. Пушкин. – М: Эксмо, 1998. – 608 с.
9. *Цветаева, А. И.* Стихотворения / А. И. Цветаева. - Пермь: Кн. изд-во, 1992. – 609 с.
10. *Цветаева, А. И.* Стихотворения. Поэмы / А. И. Цветаева. – М.: Правда, 1991. – 688 с.
11. *Цветаева, М. И.* Мой Пушкин / М. И. Цветаева. – М.: Советский писатель, 1981. – 222 с.

Научные издания

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995а. – Т. 2. – 767 с.
2. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Лексическая семантика: синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995б. – Т. 1. – 767 с.
3. Арнольд, И. В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста / И. В. Арнольд // Текст как объект комплексного анализа в вузе. – Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1984. – С. 3–11.
4. Бабенко, Н. Г. Оказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ / Н. Г. Бабенко. – Калининград: Изд-во КГУ, 1997. – 84 с.
5. Бельская, Л. Л. «Горька судьба поэтов всех времен»: Поэты второй половины XX века о своем творчестве / Л. Л. Бельская // Русская речь. – 2015. - №6. – С.22-33.
6. Белякова, И. Ю. Концепт «пути» в поэзии Марины Цветаевой / И. Ю. Белякова // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 3. – С. 144 - 149.
7. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 608 с.
8. Бройтман, С. Н. М. Цветаева и А. Блок / С. Н. Бройтман // Новый филологический вестник. – 2005. - №1.
9. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М.: Изд-во МГУП «Мир книги», 1998. – 210 с.
10. Волков, С. М. Диалоги с Иосифом Бродским / С. М. Волков. – М.: Независимая газета, 2000. – 328 с.
11. Генис, А. А. Частный случай. Иосиф Бродский. В окрестностях Атлантиды: Новые стихотворения / А. А. Генис // Знамя. – 1996. – №3. – С. 221-223.

12. *Гиршман, М. М.* Литературное произведение: Теория художественной целостности / М. М. Гиршман. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 560 с.
13. *Гладких, Ю. Г.* Некоторые наблюдения над семантикой акватической лексики в идиостиле И. Бродского / Ю. Г. Гладких, О. Е. Соловьева // Евразийский вестник гуманитарных исследований. – 2015. – № 1(2). Пермь: Пермский институт экономики и финансов. – С. 119–123.
14. *Гладких, Ю. Г.* Не-данное и данное в художественном тексте: Фрагменты картины мира и идиостиль В. П. Астафьева: монография / Ю. Г. Гладких. – Пермь, 2014. – 216 с.
15. *Гоголь, Н. В.* Собрание сочинений в шести томах / Н. В. Гоголь. – М.: ГИЛХ, 1959. – Т. 6. – 563 с.
16. *Зубова, Л. В.* Язык Поэзии Марины Цветаевой (Фонетика, словообразование, фразеология) / Л. В. Зубова. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/portefolio/zubova1999.htm>.
17. *Зубова, Л. В.* Язык Поэзии Марины Цветаевой: Лингвистический аспект / Л. В. Зубова. – Л.: Издательство Ленингр. ун-та, 1989. – 264 с.
18. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
19. *Колчина, О. Н.* Семасиологический и ономасиологический подходы к изучению языковой личности / О. Н. Колчина. // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – №3. – 1. – С. 332–335.
20. *Колшанский, Г. В.* Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 154 с.
21. *Коровин, В. И.* История русской литературы XIX века. Часть 2. 1840 – 1860 годы / В. И. Коровин, Е. Е. Дмитриева, Л. А. Капитанова – М.: Владос, 2005. – 320 с.

22. *Кравченко, Н. М.* Ангелы ада: статьи, эссе, заметки / Н. М. Кравченко. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 2004. – 348 с.
23. *Култышева, О. М.* Муза-Ахматова (на примере анализа цикла стихотворений М. Цветаевой «Ахматовой») / О. М. Култышева, А. Е. Бельков // Молодой ученый. – 2015. – №22. – С. 946-949.
24. *Кунин, А. В.* Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М.: Высшая школа. – 1996. – 381 с.
25. *Маллалиев, Г. Н.* Семантика лексемы «рифма» в поэзии А. С. Пушкина (к проблеме изучения пушкинского словаря) / Г. Н. Маллалиев // Известия Дагестанского гос. пед. ун-а. Общественные и гуманитарные науки. – 2010. – С.90-93.
26. *Москаленко, Е. А.* Лингвистическая сущность корреляции имени собственного и имени нарицательного / Е. А. Москаленко // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2015. – № 11 - 2. – С. 184-187.
27. *Неретина С. С.* Тропы и концепты / С. С. Неретина. – М.: РАН, 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/iphras/library/neretina.html>
28. *Николина, Н. А.* Филологический анализ текста / Н. А. Николина. – М.: 2003. – 496 с.
29. *Палванова, М. П.* Составные номинации на базе существительных со значением лица в произведениях Н. С. Лескова / М. П. Палванова // Филология. Искусствоведение. – 2012. – № 13 (267). Вып. 65. – С. 85-89.
30. *Полухина, В. И.* Искусство поэзии (интервью И. Бродского С. Биркертсу («Paris Review», № 83, 1982) / В. И. Полухина // Иосиф Бродский. Большая книга интервью. – М.: Захаров, 2000. – 706 с.

31. *Рассел, Б.* Дескрипции / Б. Рассел // Новое в зарубежной лингвистике. Логика и лингвистика (проблемы референции). – 1982. – № 13. – С. 237-241.
32. *Ратников, К. В.* Пушкинские аллюзии в поэзии Иосифа Бродского Текст. / К. В. Ратников // Вестник ЧелГУ. – 1999. – № 1. – С.143-144.
33. *Соловьева, Е. В.* Номинация лица в прозаических произведениях А. С. Пушкина: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Е. В. Соловьева. – Казань, 2006. – 20 с.
34. *Стернин, И. А.* Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 138 с.
35. *Телия, В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
36. *Темненко, Г. М.* Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник / Сост. и науч. ред. Г. М. Темненко. – Вып. 7. – Симферополь: Крымский Архив, 2009. – 288 с.
37. *Турсунова, Х. С.* Сопоставительный анализ фразеологических параллелей таджикского и узбекского языков (на материале романа на материале романа С. Айни «Гумолон» «Куллар»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Х. С. Турсунова. – Душанбе, 1979. – 25 с.
38. *Тынянов, Ю. Н.* Архаисты и новаторы / Ю. Н. Тынянов. – Л.: Прибой, 1929. – 596 с.
39. *Фролов, Н. К.* Апеллятивная лексика как средство номинации персонажей в произведениях В. М. Шукшина / Н. К. Фролов, М. А. Созонова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2010. – №1. – С. 245-249.
40. *Шадрихина, И. А.* Поэзия Марины Цветаевой как предчувствие самоубийства / И. А. Шадрихина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2012. – №1. – С.131-144.

41. *Шанский, Н. М.* Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М., 1972. – 188 с.
42. *Шаховский, В. И.* Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи / В. И. Шаховский // Вопросы языкознания. – 1984. – № 6. – С. 907-103.
43. *Шаховский, В. И.* Эмотивный компонент значения и методы его описания: учеб. пособие / В. И. Шаховский. – Волгоград: ВГПИ, 1983. – 94 с.
44. *Штырлина, Е. Г.* Репрезентация художественного концепта «время» в поэтическом языке И. Бродского: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. / Штырлина Е. Г. – Казань., 2013.

Справочные издания

1. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Наука, 1969. – 608 с.
2. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах / В. И. Даль. – СПб: т-во М. О. Вольф. – Т. 3. – 1903. -893 с.
3. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах / В. И. Даль. – М.: Рипол классик. – Т. 3. – 2006. – 549 с.
4. Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский/ - М.: Советская энциклопедия, 1990. – 672 с.
5. *Ожегов, С. И.* Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой: 16-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1984. – 797 с.
6. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / под ред. В. В. Виноградова; РАН; Ин-т рус. яз. им В. В. Виноградова. – 2-е изд, доп. –М.: Азбуковник, 2000. – Т. 1. – 982 с. Т. 3 – 1296 с. Т. 4 – 1232 с.

7. *Фасмер, М* Этимологический словарь русского языка в 4 томах / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева: 2-е изд., стер. – М.: Прогресс. – Т.3. – 1987. – 832 С.